

ДЖОН
КИТС

стихотворения

МОСКВА

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5
К45

Художественное оформление
А. Зининой

Китс, Джон.
К45 Стихотворения / Джон Китс ; [перевод
с английского]. — Москва : Эксмо, 2026. —
256 с.

ISBN 978-5-04-229628-4

Поэзия Джона Китса (1795–1821) — это игра света и тени, мелодия мыслей и чувств. Оды, сонеты и песни удивляют тонкостью образов неожиданными метафорами и искренностью переживаний. Каждое стихотворение остаётся рядом, даже когда книга закрыта.

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5

ISBN 978-5-04-229628-4 © Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ИМЯ, НАПИСАННОЕ НА ВОДЕ

Заметки о Джоне Китсе

ЦЫГАНКА СЛАВА

Не каждому поэту выпадает проснуться знаменитым — или просто дожить до признания своих трудов. Джона Китса после его смерти скорей жалели, чем ценили, и место ему было отведено где-то во вторых рядах английских поэтов-романтиков. По-настоящему Китса открыли лишь прерафаэлиты, и понадобился еще не один десяток лет, прежде чем он был введен в Пантеон английской литературы. В 1818 году Ричард Вудхаус, преданный друг поэта, писал в частном письме: «При жизни (если Господь благословит его дожить до старости) он сравнивается с лучшими из поэтов нынешнего поколения, а после смерти займет среди них первое место». Пророчество сбылось — увы! — лишь в своей второй половине.

Жизнь Китса была слишком коротка. Он родился в семье простого конюха, который, женившись на дочке хозяина, возвысился до владельца конного двора — и разбился насмерть, упав с лошади, когда

Джону едва исполнилось девять лет. Мать вторично вышла замуж и через шесть лет умерла, оставив четверых детей (из которых Джон был старшим) круглыми сиротами. Юноша окончил школу и был отдан опекуном в ученье к аптекарю, а позднее — на медицинские курсы. Но врачом не стал, хотя и успешно сдал экзамен в 1816 году.

Его влекла поэзия. Изучение греческой мифологии и английской поэзии эпохи Возрождения отвлекало от медицинских предметов. Он выбрал литературную карьеру, что для человека без средств было довольно отчаянным решением. Всю свою трагически короткую жизнь ему пришлось бороться с бедностью, безвестностью, враждебной критикой. Многие не выдерживали такой борьбы. Полувеком раньше, например, на лондонском чердаке покончил с собой доведенный до отчаяния нуждой и голодом Томас Чаттертон (1752–1770), которому Китс посвятил один из первых своих сонетов:

О Чаттертон! О жертва злых гонений!
Дитя нужды и тягостных тревог!
Как рано взор сияющий поблек,
Где мысль играла, где светился гений!
(Перевод В. Левика)

В 1817 году Китс опубликовал свой первый сборник стихов, а на следующий год — большую поэму

«Эндимион», в основе которой лежит миф о любви богини Луны Цинтии к смертному — пастуху Эндимиону.

А между тем наследственный недуг, туберкулез, который уже унес в могилу мать и младшего брата, скрыто и неуклонно подтачивал его силы — тем скорей, чем упорней отдавался он своему труду. В раннем стихотворении «Сон и поэзия» Китс восклицает: «О, дайте мне десять лет, чтобы я мог переполниться поэзией и совершить то, что судьба моя велела мне совершить!» Судьба дала ему только три года. Решающий удар болезнь нанесла в начале 1820 года, вскоре после помолвки Китса с Фанни Брон — девушкой, которую он глубоко и мучительно любил. В оставшиеся ему месяцы он уже почти ничего не писал.

Вершинный для творчества Китса остался 1819 год, когда были созданы его знаменитые оды, величаемые теперь английской критикой не иначе как «великими»: «Ода Греческой Вазе», «К Соловью», «Осень» и другие. Были написаны замечательные поэмы, сонеты редкого совершенства и глубины мысли.

В сентябре 1820 года по настоянию врачей Китс едет в Италию — вместе со своим другом художником Северном. Слишком поздно. Болезнь, которую в то время совершенно не умели лечить, не дала отсрочки,

и в феврале 1821 года поэт умирает. Страдания его последних недель усугублены разлукой с Фанни и сознанием невыполненного поэтического предназначения. На его могиле в Риме — эпитафия, которую он сам для себя сочинил: «Здесь лежит тот, чье имя было написано на воде».

ЗОЛОТОЕ И СЕРЕБРЯНОЕ

Алхимики и мистики Средневековья делили животных на солярных и лунных, то есть подчиняющихся влиянию Солнца или Луны. Долгое время Китса считали поэтом лунным по преимуществу — то есть экзальтированным мечтателем, певцом смутных чувствований. Солярная, рациональная часть его гения не учитывалась. А между тем он обладал необычайно трезвым и самокритичным умом. В некотором смысле он являл собой идеал романтического поэта, как его понимал С. Кольридж: «Здравый смысл — плоть поэтического гения, Фантазия — его одежды, Движение — способ его существования, а Воображение — его душа, которая присутствует везде и во всем и творит из всего разнообразия одно прекрасное и исполненное смысла целое».

Китс скептически относился к традиционным формам религиозности. Он верил в Воображение и Красоту. Главное для поэта — владеть этой магической силой, Воображением, которая не только

преображает косные предметы мира, давая им истинную жизнь, но и примиряет противоположности: абстрактное с конкретным, индивидуальное с типическим, чувство с разумом, новизну с повседневностью, сплавливая их в одно гармоническое целое.

В представлении Китса именно Воображение (читай: Поэзия) придавало жизни духовную составляющую и смысл. Впрочем, сия романтическая мысль была выдвинута Филипом Сидни еще в XVI веке: «Природа — бронзовый кумир, лишь поэты покрывают его позолотой». Именно из этой фразы исходит Китс в своем сонете о гармонии поэзии:

Как много славных бардов золотят
Пространства времени! Мне их творенья
И пищей были для воображенья,
И вечным, чистым кладезем отрад;
И часто этих важных теней ряд
Проходит предо мной в час вдохновенья,
Но в мысли ни разброда, ни смятенья
Они не вносят — только мир и лад.

Златокузнецами (*goldsmiths*) — может быть, с подсознательной оглядкой на Шелли — называет поэтов и Уильям Йейтс в своем «Плавании в Византию», только там эти мастера заняты не золочением «бронзового кумира», а изготовлением Золотой птич-

ки на забаву Императору: тоже своего рода посрамление Природы — Искусством. Йейтс заканчивает стихотворение прославлением мастеров:

Развоплотясь, я оживу едва ли
В телесной форме, кроме, может быть,
Подобной той, что в кованом металле
Сумел искусный элин воплотить,
Сплетя узоры скани и эмали, —
Дабы владыку сонного будить
И с древа золотого петь живущим
О прошлом, настоящем и грядущем.

Так «солярность» побеждает «лунность», «золотые яблоки» затмевают «серебряные» — что особенно наглядно в оригинале, где трижды повторяется: *gold, gold, golden*.

СОН И ПОЭЗИЯ

Равновесие лунного и солярного начал у Китса ярче всего демонстрируется противостоянием его важнейших поэм — «Эндимион» и «Гиперион». Первая, основанная на греческом мифе, посвящена Луне и влюбленному в нее пастуху Эндимиону; в центре второй стоит титан Гиперион, предшественник Аполлона на посту солнечного божества. В читательском сознании Эндимион долгое время затмевал Гипериона. Популярный на обоих берегах

Атлантики Генри Лонгфелло писал в своем сонете, посвященном Китсу:

Бессмертно-юный, спит Эндимион,
Все в этом сне — и мука, и отрада;
Над спящим лесом яркая лампада —
Луна, взошедшая на небосклон¹.

Казалось бы, Китс именно таков. Поэтический дар неотделим у него от вещего сна; Орфей нерасторжимо связан с Морфеем. В незаконченной поэме Китса «Гиперион» Мнемозина говорит юноше Аполлону, воспитанному в одиночестве на острове Делос:

Тебе приснилась я, и, пробудившись,
Нашел ты рядом золотую лиру...

Но не только рождение архетипического Поэта — Аполлона — связано у Китса со сном и пробуждением, и не только в эпической поэме мы это находим; сон — почти неизменное условие творчества, способ снятия печатей с «запечатленного ключа» поэзии. Почти во всех его «великих одах» 1819 года мотив сна, видения — один из ведущих. «Ужель я грезил...» («Ода Психее»); «Пускай напевы звучные нежны, / Беззвучные — они еще нежней...» («Ода Греческой

¹ Здесь и далее, где имя переводчика не указано, перевод стихотворных цитат принадлежит автору статьи.

Вазе»); «Мечтал я? — или грезил наяву? / Проснулся? — или это снова сон?» («Ода Соловью»); «Однажды утром предо мной прошли / Три тени, низко голову клоня...» («Ода Праздности»). Поэзия возникает в момент пробуждения (зарождаясь еще во сне) или засыпания.

Мой милый Рейнольдс! Вечером в постели,
Когда я засыпал, ко мне слетели
Воспоминанья...

(«Письмо Рейнольдсу»)

А вот миг пробуждения:

Ты любишь созерцать зарю вполглаза,
Прильнув к подушке заспанной щекой?
(«На поэму Ли Ханга “Повесть о Римини”».
Перевод В. Потановой)

Если читатель отвечает «да», значит, он не чужд воображения и заслуживает дальнейшего разговора. В своем раннем программном стихотворении «Сон и поэзия» (1816) Китс пишет о сне как о важнейшем подспорье поэта (во сне ему даже приходят рифмы), а о постели поэта — как самой надежной обители, в которой обретаются ключи от Храма Радости¹.

¹ «It was a poet's house who keeps the keys / Of Pleasure's temple».

Сон отрешает поэта от скорбей и забот мира, земной юдоли — и дарит ему крылья вдохновения. В сонете «Сон над книгой Данте» мир уподоблен стоглазому сторожу подземного царства, которого поэт должен усыпить, чтобы выполнить свою задачу.

Как Аргусу зачаровавши слух,
Ликуя, взмыл Гермес над спящим стражем,
Так, силою дельфийских чар, мой дух
Возобладал над вечным бденьем вражьем
И, видя, что стоглазый мир-дракон
Уснул, умчался мощно и крылато..

Поэзия для Китса — сон, но не тот опиумный провал, в котором Кольридж однажды нашел готовое описание дворца Кубла Хана (а потом, сколько ни старался, не мог добавить больше ни строчки к своему фрагменту); нет, сон Китса — управляемый, «люсидный». Сон как способ расковать воображение, «умчаться мощно и крылато» в царство мечты. «Он описывает то, что видит; я описываю то, что воображаю», — пишет Китс, сравнивая себя с Байроном.

Однако воображение — не только уход из действительности в царство идеала, оно имеет и обратную силу — преобразовать реальность. В одном из писем Китс вспоминает сон Адама в «Потерянном рае» Мильтона: «Он проснулся и увидел, что все это —

правда». Такой в идеале представляется Китсу великая поэзия.

Безусловно, Китс знает и темные сны, вылетающие из мрачного царства Прозерпины, он помнит, что сон — брат смерти, и, когда мы читаем, например, сонет «К Сну», озноб пробирает от зловещей двусмысленности его заключительных строк:

О ты, хранитель тишины ночной,
 Не пальцев ли твоих прикосновенье
 Дает глазам, укрытым темнотой,
 Успокоенье боли и забвенье?
 О Сон, не дли молитвенный обряд,
 Закрой глаза мои или во мраке
 Дождись, когда дремоту расточат
 Рассыпанные в изголовье маки.
 Тогда спаси меня, иль отсвет дня
 Все заблужденья явит, все сомненья;
 Спаси меня от совести, тишком
 Скребущейся, как крот в норе горбатой,
 Неслышно щелкни смазанным замком
 И ларь души умолкшей запечатай.
 (Перевод О. Чухонцева)

В сонете «Чему смеялся я сейчас во сне?..» связь сна и смерти еще теснее, еще прямей.

Чему смеялся я сейчас во сне?
 Ни знаменьем небес, ни адской речью
 Никто в тиши не отозвался мне...

Тогда спросил я сердце человеچه:
Ты, бьющееся, мой вопрос услышь, —
Чему смеялся я? В ответ — ни звука.
Тьма, тьма кругом. И бесконечна мука.
Молчат и бог и ад. И ты молчишь.
Чему смеялся я? Познал ли ночью
Своей короткой жизни благодать?
Но я давно готов ее отдать.
Пусть яркий флаг изорван будет в клочья.
Сильны любовь и слава смертных дней,
И красота сильна. Но смерть сильнее.
(Перевод С. Маршака)

Уильям Йейтс объясняет мечтательность Китса его социальным происхождением: «Сын конюха, с рожденья обделенный / Богатством, он роскошествовал в грезах / И расточал слова...». Как известно, профессия, которой в молодости обучался Китс, была сугубо материальная — хирург. Но, слушая лекции на лондонских медицинских курсах, студент-медик следил за проникшим в аудиторию солнечным лучом, пляшущими в нем пылинками и видел романтические картины — рыцарей, прекрасных дам, поединки и сражения (он тогда увлекался Чосером).

Китс не изменил себе до конца. Напечатав фрагмент «Гипериона», который был достаточно высоко оценен критиками (Байрон сказал, что он «словно внушен титанами»), поэт немедленно ра-